

К. Биркин

**Временщики и фаворитки
XVI, XVII и XVIII столетий**

Книга I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
К11

К11 **К. Биркин**
Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий: Книга I / К. Биркин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 237 с.

ISBN 978-5-4241-2561-4

«Временщики и фаворитки» — первая книга — трилогия К. Биркина (псевдоним известного в прошлом веке историка П. П. Каратыгина). В свое время большой успех имели его сочинения «Чернокнижники», «Заколдованное зеркало», «История тайных религиозных обществ древнего и нового мира», «Дела давно минувших дней» и др., которые давно стали библиографической редкостью. Живость изложения и неизвестные исторические подробности делают книги К. Биркина интересными для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-4241-2561-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© К. Биркин, 2021

Кондратий Биркин

Временщики и фаворитки XVI, XVII и XVIII столетий

Книга I

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лежащая перед читателем книга была написана во второй половине XIX века, того высоко нравственного и чопорного века, который Блок простодушно назвал «железным». У нас, после двух мировых войн и революций, живущих в неизвестности — не ждет ли впереди что-то похлеще, — у нас такое определение может, пожалуй, вызвать даже некоторое умиление, как перед размахивающим деревянной саблей ребенком.

Не то чтобы XIX век был таким уж благополучным, но от XX века его отличала непоколебимая уверенность в прогрессе, в том, что человечество движется вперед и что там, впереди, — светлое будущее. Может быть, самым поразительным и трогательным эпизодом, это демонстрирующим, был написанный на рубеже нового, XIX века небольшой труд Кондорсе «Эскиз исторической картины развития и прогресса человеческого духа». Скрываясь от якобинских ищек, под угрозой гибели — покинув свое убежище, он будет арестован и примет яд, чтобы избежать гильотины, — Кондорсе описывает человечество, которое в прошлом неуклонно двигалось к высотам Разума и Добродетели и которое в будущем подымется неизмеримо выше...

Впрочем, что ж! У Кондорсе были на то основания. Помня о его страшной судьбе, не забудем и того, что он скрывался в меблированных комнатах. Однажды на лестнице он встретил проживающего в этой же гостинице своего политического врага. Хозяйке достаточно было сказать: «Если Кондорсе погибнет, грех будет на вашей душе», и Кондорсе смог спокойно дописать свой «Эскиз». Даже преследования тех времен умеряли человеческой порядочностью. И XIX век как будто оправдывал прогнозы Кондорсе: при всех своих недостатках этот век шел к прогрессу, к благосостоянию всех граждан.

Вероятно, именно поэтому XIX век твердо верил в себя. И брался судить и мерить всех по себе.

Зная то, чего не знали люди прошлого века, мы, конечно, можем позволить себе смотреть на них сверху вниз. Вот и эта книга... Прикидывая, что «Башня» — это, конечно, лондонский Тауэр, а «Фома Морус» — это Томас Мор, читая про «Норфолк-берланд» и лорда Рутьюэна,¹ как будто разбираешь детские карточки. Строго говоря, никто не доказал, что нынешняя транскрипция лучше; но все равно возникает приятное чувство превосходства над устаревшим правописанием автора.

Впрочем, не будем задерживаться на орфографии: мы разойдемся с XIX веком и в более важных вопросах. Чопорный век не мог допустить, чтобы у кого-то были взгляды на мораль, отличные от единственно правильных взглядов XIX века. И, конечно, особенно резко это проявляется у историков, описывающих нравы прошедших веков. Биркин здесь не выделяется ничем особенным. Крупнейший историк XIX века Маколей, описывая своего любимого героя Вильгельма Оранского, выставляет напоказ его великие заслуги, но честно как добросо-

вестный историк, не утаивает пятен на его славе: например, потворство гнусному убийству, по сути малого масштаба геноциду, в Гленко, а также наличие у Вильгельма одной любовницы. Эти его недостатки идут как-то на равных: то и другое — несмыслаемое пятно на бессмертном образе.

Биркин столь же строг к безнравственности. Он с возмущением составляет список любовниц Генриха IV, а по адресу самих красавиц разражается красно-речивыми тирадами вроде:

«Грустно и больно сердцу видеть девушку, необдуманно жертвующую своей непорочностью, удастаивающую своей взаимностью первого встречного; нельзя не пожалеть об этой чистой жемчужине, втопанной в грязь. Нельзя, однако же, не почувствовать если не негодования, то презрения к красавице, гордящейся своей непорочностью, колющей глаза всем и каждому строгостью своих правил, ищущей выгодного себе покупщика, хотя и в лице законного мужа, но без малейшего участия сердца... Подобным красавицам жизнь легка именно потому, что они жизнью не живут, не умеют чувствовать, а не чувствуют ничего потому, что в их белоснежной груди — кусок белоснежного мрамора вместо сердца». После этого неудивительно, что как самую хвалебную характеристику Жанны д'Альбре он цитирует слова историков: «в ней кроме пола, не было ничего женского».

Историк, аккуратно собирающий дворцовые сплетни, волей-неволей ставит себя в двусмысленное положение. Либо он должен, вопреки здравому смыслу, доказывать, что это и есть История с большой буквы. Такова обычная канва романов Дюма, что вполне может быть оправдано в художественной литературе, но не в книге, претендующей на научность. Либо надо признать, что он занимается чем-то второстепенным, да еще и нравственным ли? Легче всего писателю выйти из такого положения, приняв чуть залихватский тон: мол, сам знаю, что пишу о пустяках, но не люблю — не слушай, а врать не мешай. Однако мало кто на это готов.

И все же предлагаемая книжка не так трагически серьезна, как появившаяся недавно на прилавках перепечатка книги французского историка о любовницах Наполеона, где автор строго научно и серьезно, без тени иронии по отношению к французскому полубогу, перечисляет его женщин, подчеркивая, как благородно он относился к двум десяткам своих любовниц и как они по большей части оказывались неблагодарны герою.

Биркин, может быть, перегибает палку в другую сторону, когда он негодующе описывает похождения, скажем, того же Генриха Наваррского. «Солнце, — пишет он, — ярче французской короны и повыше королевского престола; однако же его пятна не укрылись от глаз наблюдательной науки. Путь к славе может быть тернист, труден, извилист, но никогда не должен быть грязен; стыд и позор тем славолюбцам, которые удобряют почву для своих лавров кровью человеческой или смрадной грязью».

Наверное, мы не умнее людей XIX века. Но мы знаем, что нравственные каноны меняются со временем. Шатель был зверски казнен за то, что выбил зуб Генриху IV — так относились тогда к покушению на короля. Мы сочли бы варварством смертную казнь за нелепое и неудачное покушение, но готовы делать скидку на средневековые представления. Писатели же XIX века этой скидки (по крайней мере, в вопросах секса) не делают, полагая свои представления о нравственности за вечные и неизменные Законы Природы. Над этим легко посмеи-

ваться. Но, может быть, именно это наивное представление только и способно удержать общество от нравственной деградации? Интеллигентный человек способен, понимая относительность морали, оставаться нравственным; но тот, о ком народная мудрость говорит «недоученный хуже неученого», узнав, что человек произошел от обезьяны, считает это достаточной причиной, чтобы совершать любые гадости, не стесняясь Вечным Божьим Законом.

Каковы политические симпатии Биркина? Стоит ли он за высокое призвание монархии, критикуя отдельных монархов? Или, может быть, либерал XIX века, он пытается исподтишка подкопаться под священные устои, разоблачая не «отдельные недостатки отдельных королей», а весь институт монархии? Кто он — славянофил или западник?

Об этом пусть читатель составит собственное суждение, потому что разные страницы книги оставляют разное впечатление. У автора можно найти рассуждения, которые хотя обрадуют наших славянофилов, но и приведут в некоторое недоумение. «Немало принесло вреда нравам предков наших, немало способствовало моральной порче народа сближение Руси с Европой», казалось бы, отлично, но... — «распахнув двери своего царства западному просвещению, Иван III не мог отделить добра от зла, пшеницы от куколя. Сперва Греция, а потом европейские державы внесли порчу в ее нравы, до того безукоризненные». Так что же, еще во времена Ивана III началась порча?.. А мы всегда думали, что с Петра... А впрочем что же: бывают и такие радители домотканного, сермяжного, которые готовы и крещение Руси отнести на счет влияния «гнилого Запада» и искать правды у Перуна и Ярилы.

Легче и безопасней всего занести Биркина в разряд «детей своего времени». Так, когда он презрительно замечает о Елене Глинской, матери Грозного: «Беглая литвинка литвинкой и осталась» (имея в виду, что она, в отличие от нравственно безупречных русских женщин, завела любовника) — тут ясно чувствуется отпечаток тогдашних «неоднозначных» отношений с завоеванной, но непокорной Польшей или, как ее тогда поэтически называли, Литвой. То же явно относится и к предлагаемому объяснению зверств Ивана Грозного: «Не литовская ли кровь говорила в нем в те минуты, слишком частые, когда он пил русскую боярскую кровь, не брезгуя впрочем и простонародной».

И тем не менее, «гонитель дворян, совмещавший в лице своем должность неумолимого судьи, а подчас и палача, — Иван Грозный, подобно Христиерну II Датскому и Людовику XI Французскому, был, — пишет Биркин, — демократ в душе и сочувствовал народу». Вывод довольно неожиданный. Трудно понять, как это «сочувствие народу» согласуется, скажем, с известной расправой над Новгородом, где к женщинам привязывали детей — ив воду, а опричники разезжали по реке, приглядывая, чтобы никто случайно не выплыл; подобный же эпизод из многополезной деятельности Христиерна Датского читатель найдет в книге. Но это не мешает автору утверждать, что беседы с любовницей (женщиной из простонародья) «высели в уме и сердце Христиерна великие идеи о необходимости преобразований в государственном строе». «Крутые, бесчеловечные меры, принятые Христиерном в Норвегии, имели благую цель: он хотел укротить духовенство и олигархов, угнетавших народ и попиравших его интересы и чувства достоинства человеческого... При всем том, — оговаривается Биркин, — благая цель никогда не может быть оправданием средств бесчеловечных».

Пусть читатель судит сам. Мне же кажется, что наибольшее негодование у Биркина вызывают не так короли, как феодальный строй, который со времен Французской революции рассматривался как изначально негодный, безнравственный и подлежащий полному искоренению. Подобно многим революционерам, Биркин настроен против «злых бояр» и полагает, что царь хорош, если он грозен для бояр. «Типичный представитель» своего века, он верит, что народ-то не подведет, что народная власть, воплощенная в добром царе, окажется близкой к идеалу. Впрочем, развивать эту мысль не стану, опасаясь, как бы кто-нибудь впоследствии не назвал уже меня «типичным представителем» предрассудков XX века.

Биркин слишком усердно пользуется первоисточниками, мало заботясь о том, как они согласуются между собой. Неудивительно поэтому, что не ко всем своим персонажам Биркин относится объективно. Скажем, к Марии Стюарт он благосклонен, легко прощает все ее эскапады, лишь мельком, исключительно в порядке исторической добросовестности упоминает, как почти невероятную, возможность, что она виновна в убийстве Дарнлея (здесь историки колеблются), и полностью отбрасывает возможность (принимаемую большинством), что она была «похищена» Босфелом (Босуэллом) с собственного согласия. Зато если Биркин кого невзлюбит, тому беда. Например, графу Лейстеру (Лейчестеру) всяко лыко в строку, даже его сватовство к той же Марии, о каком автор ничтоже сумняшеся пишет: «Нет сомнения, что именно для убийства Марии Стюарт он, с согласия Елизаветы, за нее сватался. Отравив королеву шотландскую и этим путем присоединив ее королевство к Англии, остановился бы Лейчестер на этом? Нет, разумеется. За Марией, отравив и Елизавету и оставшись после нее единственным наследником, убийца взшел бы на престол Великобритании. Что им руководила эта адская мысль, доказательством могут служить все последующие события...» — которые, впрочем, ничего даже отдаленно похожего не доказывают. Не сочувствует Биркин и Елизавете Английской, всячески подчеркивая преувеличенность похвал ее красоте даже в молодости — впрочем, исключая случай, когда надо обругать ее старшую сестру Марию Тюдор, — тогда оказывается, что Елизавета «восемнадцатью годами моложе и в тысячу раз красивее Марии».

Боюсь, впрочем, что если б он аккуратно привел их в согласование, книга оказалась бы скучной. И мне кажется, что современный читатель, вскормленный «социально-экономическими предпосылками», с удовольствием прочтет о том же Лейстере, как «падение отца, а вслед затем заговор Уайэта подвергли его опале королевской и были причинами заключения в Башне, где по таинственному предопределению судьба столкнула его с Елизаветой. С первых своих встреч с красавцем Додлеем принцесса почувствовала в своем сердце непреодолимое к нему влечение, по объяснению Кемдена — вследствие рождения своего под одним и тем же созвездием. Трудно было бы найти причину глупее...»

Тут я прерву автора, потому что он сбился с тона. Это с ним случается периодически: описав таинственные предзнаменования и предсказания астрологов, он тут же оговаривается, что этим астрологам не верит ни на грош. Я могу только одобрить его здравый смысл и пожелать того же многим моим современникам, которые по утрам исправно слушают астрологические прогнозы, — но Биркин выходит, явно выходит, из принятого образа. Тем более что, разоблачив

астрологов, он готов уже на полном серьезе через несколько страниц рассказывать о мистической роли цифр 4 и 14 в жизни Генриха Наваррского.

Пикюль написал бы об этом совсем иначе. Но я не уверен, что современный тон лучше. И я готов позавидовать современникам, читавшим эту книгу сто лет назад, когда встречаю такие, например, строки: «Кто из нас еще в детстве не читал об этой знаменитой пощечине, более позорной для Елизаветы, нежели для ее фаворита?» В самом деле, кто из нас о ней читал?..

И уж ради этого одного стоит прочесть эту книгу. Печально детство, в котором не довелось услышать ни о дубе, в ветвях которого прятался король Карл II, ни о плаще, который Рэли (а может быть, Эссекс) бросил под ноги Елизавете. Да, большая часть этих романтических (романических, говорили в старину) историй выдумана; некоторые из них развенчивает и наш автор, отрицая, например, что Генрих IV, осаждая Париж, пропускал в город возы с продовольствием. Боюсь, что этого и вправду не было. А жаль. Давайте хотя бы об этом прочтем.

Алексей Толпыго

ВСТУПЛЕНИЕ

*Sur cent favoris des rois, quatre-vingt et
cinq ont ete perdus.*

Napoleon I.

*La femme d'un charbonnier est plus
respectable que la maitresse d'un prince.*

J. J. Rousseau.

Внимательно перечитывая летописи былых времен, наши и иностранные, невольно приходишь к тому убеждению, что, кроме ненависти, злобы, эгоизма, зависти, и любовь играла не последнюю роль во многих мировых событиях и весьма часто оказывала немаловажное влияние на судьбы народов и целых государств. К сожалению, к вопросу о значении любви в истории с должным вниманием относились весьма немногие, и нельзя надивиться бедности европейских литератур по части монографий героев и героинь, эксплуатировавших слабости сильных мира сего — временщиков и фавориток, бывших спутниками многих светил политического горизонта.

От историка, посвятившего свое перо жизнеописанию фавориток, никто и не потребует сальных анекдотов, в биографии фаворита или временщика не должно быть страниц, напоминающих Аретино, Боккачио или Лафонтена. Если к любви в истории отнестись единственно как к источнику добра и зла, если на любовь посмотреть только как на силу слабых и слабость сильных, тогда биография временщика или фаворитки бесспорно может иметь смысл и значение.

Геркулес, прядущий у ног Омфалы или облачающийся в хитон Деяниры, Самсон, покорно склоняющий голову под ножицы Далилы, — символы знаменательные! В них олицетворение любви и неги, торжествующих над силою и могуществом и побеждающих героев непобедимых... И сколько раз в истории встречаются нам те же Геркулесы с Омфалами и Самсоны с Далилами в лицах правителей царств и их фавориток: Фаиса подстрекает Александра Македонского сжечь Персеполис; Антоний предпочитает римский престол ложу Клеопатры; дочь Иродиады требует у Ирода головы праведника и получает ее... В руках Мессалины — тигрицы, страдающей нимфоманией, — слабоумный Клавдий

дуреет окончательно; Нерон, обольщенный блеклыми прелестями достойной матери своей, Агриппины, или ласками Поппеи, прибавляет к своей биографии несколько страниц, написанных кровью. Мудрый Юстиниан становится бесхарактерным ребенком пред своей Феодорой; бич божий Атилла умирает в объятиях красавицы... Как мал и ничтожен Карл Великий, плачущий над гробом своей любовницы, от которого его не могут оторвать, к которому, по наивному объяснению летописцев, его влечет волшебная сила! Минуя длинный ряд многих великих событий, в которых любовь являлась главным деятелем, укажем на Франциска I, сведенного в могилу ядовитыми ласками прелестной Фероньеры; на Генриха IV, преклоняющего колени пред Габриэлью д'Этре; на грозного Ришелье, пляшущего сарабанду пред Анной Австрийской... Вот, наконец, влюбчивый Людовик XIV, напевающий нежности какой-нибудь Лавальер, Монтеспан; или он же, версальское солнышко на закате, под башмаком ханжи Ментенон, вдовы шута Скаррона. Восемнадцатый век, открывающийся во Франции безумными оргиями регентства и оканчивающийся кровавыми поминками по убиенной монархии, — особенно богат временщиками, фаворитами и фаворитками повсеместно. Август Саксонский хвалится распутством, не на шутку воображая себя Юпитером.

Мы указали на те исторические факты, в которых любовь являлась источником зла, когда она не только свергала королей с престолов, но даже лишала человека достоинства, низводя его на степень животного. Такова изнанка любви, но нельзя упускать из виду, что это самое чувство может подвинуть человека к высокому и прекрасному. Бросим же беглый взгляд на светлую сторону любви, на ее роль доброго гения в судьбах монархов и народов.

Почти повсеместно любовь, являясь в лице цариц-христианок, жен царей-язычников, была участницей в великом деле просвещения царств светом Христовым. В истории находим не одну женщину — законную супругу или фаворитку, употреблявшую свое влияние на могучих людей в пользу и во благо их подданным. Агнесса Сорель умела воскресить в Карле VII чувства долга и чести; Ментенон обращала внимание Людовика XIV на ученых и литераторов, заслуживающих поощрения. Если в вышеприведенных примерах злой любви нежные ручки женщин разрушали престолы или подавали монархам перья для подписи смертных приговоров, то бывали же между женщинами и светлые личности, укрощавшие порывы лютости во владыках земли, славившихся жестокосердием. Бывали минуты, в которые ласки Дивеке, фаворитки Христиерна II Датского, из зверя превращали его в человека... У нас Анастасия Романовна, первая супруга Ивана IV, была ангелом-хранителем России, унесшим с собою в гроб все человеческие чувства Грозного...

Незавидна участь временщиков и фаворитов, но и судьба фавориток не лучше. Счастливиц — из объятий пьяных солдат попадавших в объятия монархов или из развратных трущоб в чертоги дворца, — сравнительно, было очень немного; чаще случалось наоборот. Фаворитки, подобно Лавальер, успевавшие вовремя удалиться в монастырь, были счастливее других как избравшие благую участь; вообще же говоря, судьба полудержавных содержанок была почти всегда та же, что и обыкновенных. Старость, дающая людям права на уважение, постигая отставную фаворитку, обращалась ей в позор и поругание; если же и бывали люди, оказывавшие ей уважение, то едва ли оно могло быть лестно разжалован-

ной прелестнице.

Представьте себе графиню Дюбарри на ее Люсьенской даче; Дюбарри, осыпанную бриллиантами, утопающую в шелках, бархатах, кружевах; Дюбарри, которую Людовик XV запросто потчует кофе собственной варки, за что, также запросто, удостоивается услышать из уст графини: «Merci, la France!» Через двадцать лет эта же самая Дюбарри на эшафоте ползала на коленях перед палачом, умоляя о пощаде, эту же самую Дюбарри палач потчевал тогда пинками и подзатыльниками, побуждая склонить голову под топор гильотины, грубо повторяя бывшей фаворитке:

— Allons, canaille!!.²

Таков был конец последней титулованной фаворитки короля французского — конец, над которым стоит призадуматься...

Раздумье над бедствиями, которыми временщики искупали свое мимолетное величие, над позором, постигавшим большинство фавориток при жизни или после смерти, побудило нас избрать эпиграфами для нашего труда изречения двух величайших людей своего времени:

«Из сотни королевских фаворитов восемьдесят пять погибло на виселице», — сказал Наполеон I — сам временщик счастья, пред которым раболепствовал весь свет.

«Жена угольщика достойнее уважения, нежели любовница государя!» — говорил Жан-Жак Руссо, мудрец, кроме божества своего — природы, не преклонявший головы ни перед кем на свете.

НАСТРОЕНИЕ УМОВ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПРАВСТВЕННОСТЬ В ЕВРОПЕ

ТУРЦИЯ. ИТАЛИЯ. ИСПАНИЯ. СРЕДНЯЯ И СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА.
РОССИЯ

СУПРУЖЕСТВО И ПОЛИТИКА

ИОАННА БЕЗУМНАЯ. ЕЛЕНА, ДОЧЬ ЦАРЯ ИВАНА III. ЦАРЬ
ВАСИЛИЙ И ЕЛЕНА ГЛИНСКАЯ. ЛЮДОВИК XII И МАРИЯ, ПРИНЦЕССА
АНГЛИЙСКАЯ
1501-1560

Глас народа — глас Божий — говорит древняя, всемирная пословица. Прислушаемся же к разноязычному народному говору Европы, приветствующему начало XVI столетия, ознаменованное войнами, моровыми поветриями, неурожаями, разливами рек, землетрясениями, явлениями комет, затмениями и множеством других естественных событий, для суеверной, невежественной толпы всегда зловещих, всегда нагоняющих на нее неотразимую панику.

«Пришли последние времена! — слышится повсеместно. — Близится кончина мира и недалек день страшного суда. Слова Евангелия сбываются воочию: царство восстает на царство, язык — на язык, силы небесные колеблются. Люди, позабыв Бога, развратились хуже, чем во времена Ноевы... Сказывают, будто уже и Антихрист народился!..»

Мысль о близком светопреставлении неоднократно тревожила умы и в предыдущие, столетия, но в шестнадцатом веке преждевременный страх о кон-

чине мира и всеобщие сетования на развращение нравов были основательнее, чем когда-либо. Шестнадцатый век, от самого своего начала до конца утопавший в крови и всевозможных пороках, действительно можно было принять за последний век бытия мира. Растлением нравов, забвением законов божиих и человеческих любое государство Европы могло смело потягаться не только с Римом времен Ювенала или древним Вавилоном, но даже с Содомом и Гоморрою. Из всех монархий, пожалуй, одна Турция, говоря сравнительно, еще могла похвалиться строгостью нравственности и верностью своим религиозным убеждениям... Можно ли было вменять в вину турецкому султану его многоженство, разрешаемое Кораном, когда короли-христиане одни женились по шести, по восьми раз, другие имели целые гаремы, третьи, наконец, жили в кровосмесительной связи с родными своими дочерьми или сестрами? Можно ли было укорять исповедников ислама за их пороки, когда во главе Западной Церкви красовался папа Александр VI, которому вместо тройной митры первосвященника приличнее было бы быть увенчанным семиярусной тиарой из всех семи смертных грехов. «Антихрист родился!» — говорили люди шестнадцатого столетия. И точно: глядя на папу римского, его можно было принять за Антихриста либо за зверя апокалипсического. Этими же самыми прозвищами, через двадцать лет после смерти Александра Борджиа, католический мир позорил Мартина Лютера. Но к которому из двух они были применимее, кто их более заслуживал: самозванный наместник первоверховного апостола, римский папа — он же убийца, клятвopеступник, кровосмеситель — или виттенбергский монах, апостол Германии, явление которого было вызвано злодействами Александра VI и его предшественников? Лютер, подобно птице Феникс, возродился из пепла костров, на которых погибли за правое дело Ян Гус, Иероним Пражский и Савонаролла. Александр Борджиа был последней каплей, переполнившей чашу терпения божьего и человеческого.

Племянник папы Каликса III, Родриго Ленцуоли, родился в Валенсии в 1431 году. После бурно проведенной молодости, снискав репутацию отъявленного негодяя, он по приглашению дяди прибыл в Рим /1455 г./, где ожидала его кардинальская шапка со всеми сопряженными с нею почестями, выгодами и блестящими надеждами. В мантии кардинала Родриго и в зрелых годах оставался неизменно все тем же, чем был в юности, с той разницей, что тогда распутствами своими он позорил только свое имя, а теперь пятнал свой сан, навлекая справедливое негодование на себя лично и на дядю... Прибытие свое в Рим Родриго ознаменовал связью с патрицианкой Розой Ваночча, подарившей ему четырех сыновей и дочь — вечно позорной памяти Лукрецию Борджиа. Фамилию эту, данную и детям своим, Родриго принял вместе с именем Александра VI по своему избранию на папский престол, который он наследовал после дяди, 11 августа 1492 года, благодаря проискам членов конклава, своих клеветов, кардиналов Сфорца, Чибо и Риарио. Перемена имени и переоблачение из одеяния кардинальского в рясы первосвященнические были для Родриго тем же, чем бывает для змеи перемена кожи; в шестьдесят лет он был все тем же сладостлюбцем, каким был и в двадцать, его не удерживали от распутства ни седины, ни тиара. Дети его святейшества оказались вполне достойными своего родителя: в Цезаре, особенно, он нашел верного себе помощника и сообщника в делах государственных и любовных. Не довольствуясь фаворитками из среды знатнейших семейств дворянских

и духовных, папа и сын его обратили страстные помыслы на прелестную, белокурую Лукрецию — дочь одного, сестру другого, — сделавшуюся вскоре любовницей обоих!.. Связь Лукреции с отцом и одним братом не помешала ей, в свою очередь, достаивать нежнейшими ласками другого, младшего брата, Гифри, герцога Сквиллаче, зарезанного наемными убийцами по приказанию ревнивого Цезаря!.. Все эти мерзости опять-таки не воспрепятствовали той же Лукреции в короткое время сменить трех мужей. Первым был Джованни Сфорца, герцог Пезаро и Пьяченцы /1493 г./: с ним дочь папы развелась через четыре года вследствие его рановременной дряхлости. За ним следовал Альфонс, герцог Бизеньи /побочный сын короля Альфреда II Арагонского/, в 1500 году удушенный по распоряжению шурина, того же братоубийцы — Цезаря Борджиа. Через год двадцатидвухлетняя вдова Лукреция стояла пред брачным алтарем с Альфонсом д'Эсте, герцогом Феррарским.

Политическая деятельность Александра VI и Цезаря, их гениальные замыслы объединения Италии не имеют отношения к предмету нашего труда, а потому, умалчивая о них, скажем, в заключение беглого биографического очерка семейства Борджиа, о смерти папы.

Имея в виду истощение казны непрерывными войнами в Италии и оргиями в стенах Ватикана, Александр VI в последние два года своей жизни решился расширить круг прибыльной торговли индульгенциями, чинами и кардинальскими шапками. Последняя статья была особенно доходна, здесь папа, как говорится, одним камнем убивал двух птиц: получал деньги с нового кардинала и, по закону, наследовал имение покойного его предшественника. За вакансиями остановки не было. Его святейшеству стоило только пригласить кардинала к себе на завтрак или на ужин, достаточно было даже позвать ему руку или приказать отомкнуть дверь, запертую на ключ, чтобы его эминенция дня через два или через три изволил отбыть из жизни временной в жизнь вечную... Примешать яду в кушанье или питье было вещью простой и нехитрой, особенно для Александра Борджиа, отравившего Зизима, брата султана Бая-зета, по просьбе последнего. Но так просто отравлять можно было только магометанина: для очистки кардинальских вакансий у папы были придуманы иные, остроумнейшие способы, именно рукопожатие и отмыкание замка. Для первого папа надевал на палец правой руки золотой перстень, из внутренней стороны которого при легком пожатии чужой руки выходил стальной волосок, чуть слышно ее укальывавший и впускавший в укол капли аду, от которого, несмотря на гомеопатическое его количество, не было спасения. Точно таким же механизмом были снабжены ключи у дверей или шкафов, по просьбе папы отмыкаемых его жертвами.

Во второй половине августа 1503 года папа вместе с верным своим Цезарем решил отправить на тот свет трех кардиналов и с этой целью пригласил их на ужин. В числе прочих лакомств, заготовленных для дорогих гостей, находились бутылки с кипрским вином, «подслащенным» его святейством. Эти бутылки, припасенные на закуску, были отданы под надзор благонадежного буфетчика... В половине ужина, еще задолго до десерта, папа и Цезарь приказали подать себе вина, разумеется не из заветных бутылок, как оно случилось.

Осушив поданные бокалы, Александр и сын его, усугубляя любезность и внимательность к гостям, предложили им последовать их примеру, и в эту самую минуту папа, изменяясь в лице, испуганно, тоскливо стал ощупывать себе грудь